

Г. П. Башарин. *История аграрных отношений в Якутии (60-е годы XVIII — середина XIX в.)*. М., 1956, 428 стр.

В последние десятилетия весьма интенсивно изучается история Якутии. Разрабатывается широкий круг проблем древней истории, истории народов Якутии со времени вхождения их в состав Русского государства — социально-экономического развития народов, общественного строя, истории советского периода. В этой большой творческой работе активное участие принимают ученые Москвы и Ленинграда, но основная исследовательская работа проводится местными научными силами. Недавно появилась книга одного из историков Якутии — Г. П. Башарина об аграрных отношениях в Якутии (60-е годы XVIII — середина XIX в.). Взятую тему автор разрабатывает в широком плане, изучая совокупность общественно-экономических отношений и охватывая большое количество проблем, даже таких, ранее специально не исследованных, как вовлечение Якутии в общероссийский рынок, классовая борьба в якутских улусах, землепользование эвенкийского населения и т. д. Автор ставит перед собой задачу исследовать взятую тему, руководствуясь ленинским пониманием сущности аграрных отношений. Такой подход действительно научно актуален (отметим, что большинство прежних исследований по Якутии относится к домарксистскому периоду развития отечественной науки).

Г. П. Башарин в своем труде использовал большое количество опубликованных и неопубликованных источников. Он ввел в оборот много интересных актов из архивов прежних исследователей — Л. Г. Левенталья и Н. А. Виташевского, а также обнаруженные им самим документы в архивохранилищах Якутска, Иркутска, Москвы и Ленинграда. Привлечение большого архивного материала является достоинством работы.

Несомненно, что письменные документы являются основным источником для исторического исследования. Однако следует заметить, что эти документы в большинстве случаев составлялись русскими чиновниками, употреблявшими канцелярскую терминологию феодально-крепостнической России, а эта терминология не всегда передавала национальные особенности живших на окраинах народов. Документы требуют критического подхода и сопоставления с этнографическими и фольклорными материалами. Якуты создали богатый исторический фольклор; их исторические предания — особый жанр, отличающийся от других жанров художественного творчества точностью передачи событий; в них отражена точка зрения народа на эти события. Народ создал свою историю и сохранил ее в своей коллективной памяти. Историки признали возможным использовать якутские предания как исторический источник; при сопоставлении с архивными документами подтверждается достоверность их. Некоторые историки называют их «устной летописью» народа. Собранные предания дают весьма ценные сведения о расселении якутов по Средней Лене, об освоении ими бассейна Вилюя и заселении севера Якутии в XVII—XVIII вв. Бытует много преданий и рассказов о «Мирон-хамысыяа» (первой ясачной комиссии, работавшей под руководством Мирона Черкашеникова, 1766—1769 гг.), о землепользовании по так называемой «классной системе», о быте якутских богачей, о формах эксплуатации ими родовичей. Предания и исторические рассказы дают живые картины из жизни народа. Анализ их и сопоставление с архивными документами дали бы многое для широкого обобщения и для более точных выводов. Г. П. Башарин, к сожалению, в своем исследовании не использовал этот богатейший источник.

Благодаря работе ряда научных экспедиций Академии наук и Русского географического общества, научной деятельности политических ссыльных царского времени и работе советских ученых создана большая литература по истории, быту, культуре и языку якутского народа. Аграрным отношениям якутов посвящен ряд специальных исследований¹. Работа Л. Г. Левенталья «Подати, повинности и земля у якутов», по мнению профессора С. А. Токарева, «почти исчерпывает изучение истории земельных отношений у якутов за период с конца XVIII и до второй четверти XIX в.»². Период второй половины XVIII — первой половины XIX в. освещен также в работах Н. А. Виташевского и др.

¹ В. А. Серошевский, Якуты, т. I, СПб., 1896, стр. 280—309, 415—432, 480—508; Сб. «Материалы по обычному праву и общественному быту якутов», Л., 1929 (в этом сборнике опубликованы работы: Н. А. Виташевский, Основные правила распределения земли у якутов Дюпсинского улуса Якутского округа; его же, Якутские материалы для разработки вопросов эмбриологии права; его же, Способы разложения и сбора податей в Якутской области; Л. Г. Левенталь, Подати, повинности и земля у якутов); М. С. Ольминский, Из истории общины Сибири, «Правда» (журн.) за июль 1904 г., стр. 143—161; Э. К. Пекарский, Земельный вопрос у якутов, «Сибирские вопросы», 1908, № 17—18; А. С. Белевский, Аграрный вопрос в Якутской области, «Русское богатство», 1902, № 11; В. Ф. Трошанский, Земледелие и землепользование у якутов, «Сибирские вопросы», 1908, № 31—32; С. А. Токарев, Происхождение сельской общины у якутов, «Исторические записки Института истории АН СССР», т. 14, 1945, стр. 170—201; его же, Общественный строй якутов XVII—XVIII вв., Якутск, 1945; его же, Очерк истории якутского народа, М., 1940; С. В. Бахрушин, Исторические судьбы якутов, сб. «Якутия», 1927.

² С. А. Токарев, Происхождение сельской общины у якутов, стр. 170.

Г. П. Башарин, в значительной мере используя труды своих предшественников, особенно Левенталья, насытил свое исследование новыми фактами, истолковал такие детали, которые ранее были мало освещены в научной литературе. Но некоторые из основных положений автора кажутся мне спорными, не доказанными убедительно.

Так, автор пишет: «Итак, экономическую основу якутского общества конца XVIII — первой половины XIX в. представляли верховная собственность государства и юридически условная, фактически полная собственность тойонов на землю» (стр. 123). В заключении к своей работе он еще раз подтверждает: «Монопольная частная собственность класса тойонов-феодалов на землю при наличии верховной собственности государства на земли Якутии являлась экономической основой патриархально-феодальных отношений» (стр. 355). Это — основной тезис автора, доказательству которого посвящено все исследование.

Частная собственность у якутов в период с середины XVII в. до 1760-х годов автором доказывается наличием около десятка документов о купле-продаже земли. Среди этих документов часть относится к продаже якутами земли русским, часть — к продаже покосов на вновь освоенных окраинах (продажа коренных родовых покосов упоминается всего несколько раз). Эти единичные случаи нельзя рассматривать как общественное явление. Они были случайными, вызванными крайней нуждой (добывание денег для уплаты ясака, в одном-двух случаях — приобретение скота). Эти единичные случаи С. А. Токарев охарактеризовал как захват тойонами (родоначальниками) общинной земли³. Впрочем, и эти редкие случаи вскоре прекратились вовсе, так как администрацией была запрещена купля-продажа земли (1765).

Видимо, автор не учитывает устойчивости общинных земельных отношений в таком отсталом обществе, как якутское в изучаемый период. К. Маркс писал: «В азиатской (по крайней мере преобладающей) форме не существует собственности отдельного лица, а существует лишь его владение; действительный, настоящий собственник — это община; следовательно, собственность существует только как *коллективная собственность на землю*»⁴. Эти слова являются теоретическим обобщением громадного материала; они подтверждаются и якутскими данными. Ф. Энгельс на примере тысячелетней истории восточных государств сделал вывод об устойчивости общинных земельных порядков в России, в Индии и других восточных странах⁵.

Со времен первой ясачной комиссии (1766—1769) в Якутии было произведено закрепление старинных родовых земель за наслегами и за каждым из жителей — его участков. 23 ноября 1766 г. был издан комиссией указ «О бытии санным покосам во владении за теми, за кем они состоят и о невступании никому в посторонние покосы и угодия и о прочем»; затем были изданы и другие указы. Землепользование у якутов было организовано на основе положений «Генерального межевания», приспособленных к ясачному обложению якутов. Были сохранены традиционные «соболиные» и «лисиные» оклады ясака. В зависимости от размера выплачиваемого ясака — один соболю, пол-соболя, треть соболя, одна лисица, пол-лисицы и т. д. — якуты наделялись земельными участками. Однако ясак в это время выплачивался деньгами, и названия «соболиный» и «лисиный» оклады сохранялись в документах для того, чтобы поощрить якутов выплачивать ясак в виде пушнины, что было выгодно правительству царской России. Землей пользовались в основном плательщики ясака, мужчины от 18 до 50 лет. В 1820-х годах перестали упоминаться архаичные оклады («соболиные» и «лисиные») и был введен термин «класс» для обозначения разных категорий ясачных плательщиков. Так, плательщики «соболиных» окладов были отнесены к «первому классу», плательщики полного «лисиного» оклада — ко второму. Землю получали мужчины, платящие ясак и отбывающие повинности. Значит, земля была общинная, отдельные семьи получали наделы. Наделы были неравные по качеству. У якутов тойоны (родовая знать) и баи (богачи), принадлежа к общине, пользовались общинными землями. Они не приобретали землю в частную собственность, не покупали и не продавали ее. Домогательства отдельных тойонов получить землю в собственность и дворянское звание были отклонены царской администрацией. В захвате тойонами и богачами больших наделов общинной земли автор видит превращение земли в феодальную монопольную собственность тойонов и ликвидацию существовавшей будто бы до того мелкой земельной собственности.

Г. П. Башарин решительно утверждает: «В конце XVIII — первой половине XIX в. была ликвидирована, следовательно, мелкая собственность крестьян улусов на землю, которой они раньше обладали по «праву первого захвата» (стр. 123). На самом деле, частной собственности у якутов на землю не было. В старину роды пользовались насильственными местами и при передвижениях занимали пустопорожные земли. С 60-х годов XVIII в. земля стала коллективной собственностью наслег и распределялась между всеми мужчинами, включая тойонов. Время от времени происходили земельные переделы. Это факт общеизвестный, о чем свидетельствуют приводимые самим автором ведомости о распределении земель между общинниками того или иного наслег и труды прежних исследователей — Л. Г. Левенталья, И. А. Виташевского, В. Ф. Тро-

³ С. А. Токарев, Очерк истории якутского народа, стр. 114.

⁴ К. Маркс, Формы, предшествующие капиталистическому производству, М., 1940, стр. 15.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 103.

щанского и др. Например, Виташевский на основе архивных материалов и личных наблюдений утверждал, что частная собственность на землю у якутов не оформилась, что в землепользовании у них господствует общинное начало⁶. Однако общинная земля распределялась совсем неравномерно. О том же писали Трошанский⁷ и другие.

Тот факт, что тойоны пользовались большими наделами и стремились захватить в свои руки сверхнаделенные земли по различным «актам», не означал монопольной их собственности на землю и не порождал механически феодальных земельных отношений.

Утверждение Г. П. Башарина о наличии частной земельной собственности в Якутии не согласуется с ленинскими положениями о специфичности земельных отношений на окраинах, об отсутствии частной собственности на землю в Сибири. Эти положения В. И. Ленин развил и обосновал в своей книге «Развитие капитализма в России» и в других работах. Говоря об аренде, он писал: «Дело в том, что в Сибири нет именно тех условий, которые создали это правило, нет обязательного и «уравнительного» надела, нет сложившейся частной собственности на землю. Зажиточный крестьянин не покупает и не арендует земли, а захватывает ее (так было, по крайней мере, до сих пор)»⁸. Эти положения подтверждаются данными земельных отношений у якутов.

Значительное место в своем исследовании Г. П. Башарин уделил производственным отношениям и общественному строю якутов. При этом, по нашему мнению, автор чрезмерно расширяет круг лиц, эксплуатируемых в хозяйстве тойонов: кроме основной массы эксплуатируемых хамначитов (наемных работников и «воспитанников») и содержателей скота, автор в число эксплуатируемых включает и других лиц.

Одной из эксплуатируемых категорий населения, например, автор считает жен тойонов, якобы работниц-скотниц (130—132). На самом деле жены тойонов были хозяйками, а не работницами. Они ведали хозяйством (скотом) тойона. Об этом говорят приведенные самим автором документы: «Богатые якуты имели многих жен для призрения, по обыкновению состоящих в разных местах домов и скотоводств, ибо жены усерднее управляют имением, нежели сторонние наемные лица». Главной причиной многоженства являлось «желание доброго призрения домообзаводства и умножения скотоводства» (стр. 131). Этот документ, впрочем составленный самими тойонами, совершенно верно характеризует роль их жен.

К категории эксплуатируемых автор относит и кумаланов (стр. 136—139). Кумаланы — это старики или дети-сироты, оставшиеся без кормильца, которые по решению сходки взяты на содержание наслег. Они переходили из дома в дом и получали бесплатное питание. Некоторые из них могли выполнять легкие работы: например мять зайчи шкурки на рукавицы, молоть зерно на ручном жернове для дневного пропитания. Их работа не имела производственного значения. Автор неправ, когда говорит, что постоянные кумаланы — это люди, которые находились на положении домашних патриархальных рабов. Постоянными кумаланами были именно инвалиды, неспособные к производительному труду.

Автор, на мой взгляд, также неправильно понимает дюккашество как одну из форм эксплуатации тойонами непосредственных производителей (стр. 134—135). На самом деле дюккашество — это совместное проживание двух или нескольких семей (обычно середняков или бедняков) в одном жилище, преимущественно в зимнее время. Это вызывалось необходимостью объединить усилия для заготовки дров на отопление камелька или жить вблизи покосов с целью сократить перевозки сена на корм скоту.

Утверждение автора, что крупные собственники приглашали к себе бедняков и что это было наиболее распространенной формой дюккашества, не соответствует действительности. Ссылка на М. М. Расцветаева не подкрепляет вывода автора об эксплуататорском характере дюккашества. М. М. Расцветаев исследовал экономику якутов в советское время (в 1927—1928 гг.), наблюдал немногим более десяти случаев и все-таки решил сделать вывод о дюккашестве как скрытой форме эксплуатации. При этом он сам сознается в случайности и малочисленности своих наблюдений⁹. Только в шести случаях из десяти хозяин жилища пользовался услугами дюккаха, в двух случаях сами хозяева были бедняками, в одном случае хозяин-бедняк вовсе не имел скота (последний случай Расцветаев считает весьма неясным)¹⁰. Таким образом, в наблюдениях Расцветаева нет ничего такого, что характеризовало бы дюккашество как установившуюся форму эксплуатации.

Якутский обычай «кюляй» нельзя приравнивать к неоплачиваемой работе крестьян на помещика в условиях феодально-крепостнической эксплуатации, как это делает Г. П. Башарин (стр. 139—140). По этому обычаю, богатые люди приглашали на один день соседей помочь накосить сено; собравшихся угощали. Косьба носила характер соревнования, имя косаря-победителя на кюляе становилось известным в окрестности. Затем хозяева так же собирали женщин для уборки накошенного сена. Этот обычай

⁶ Н. А. Виташевский, Якутские материалы для разработки эмбриологии права, стр. 93 сл.

⁷ В. Ф. Трошанский, Земледелие и землепользование у якутов.

⁸ В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 97.

⁹ М. М. Расцветаев, Очерки по экономике и общественному быту у якутов, Л., 1932, стр. 64.

¹⁰ Там же.

неоплачиваемых трудовых услуг восходит к родовым обычаям, но его использовали богачи в своих интересах.

Мне кажется, что автор неточно освещает пользование пастбищами у якутов, утверждая, будто бедняки должны были очень много работать «за пастьбу скота на пастбищах тойонов, за заготовку сена на оставляемых владельцами кочках и краешках покосов богатых соседей» (стр. 135). Пастбище, так же как и леса, были в общественном пользовании. Никто не лишал бедняков пастбищ. Следовательно, за пастьбу своего скота бедняки не были обязаны что-либо делать богачам. Бедняки оказывали некоторые услуги своим богатым соседям за какие-нибудь пощадки. Но явным преувеличением звучит вывод автора, что «отношения, установившиеся на почве соседства между бедными и хозяевами и тойонами, в конце XVIII—первой половине XIX в. были отношения между феодально зависимыми непосредственными производителями и крупными собственниками земли и скота. Это была своего рода отсталая разновидность барщины» (стр. 135).

Г. П. Башарин, как и некоторые другие исследователи (Левенталь¹¹, Мамет¹², Ионова¹³), считает, что социально-экономическое развитие якутов шло по феодальному пути. Но общественный строй якутов изучаемого периода автор характеризует как патриархально-феодальный. Это положение он старается обосновать утверждениями о монопольной частной собственности тойонов на землю и феодальным характером эксплуатации непосредственных производителей в хозяйстве тойона. Оба эти утверждения, как мы полагаем, не подкрепляются убедительными фактами.

Значение пережитков первобытно-общинных отношений у якутов автор явно преуменьшает, посвятив этой теме только две страницы. Мне кажется, что он не учитывает устойчивости патриархальных пережитков в быту, общественных отношениях, в собственности в землепользовании у якутов.

В описании и оценке бытовых и общественных отношений автор не учитывает в достаточной мере трудов прежних исследователей-этнографов — В. Л. Серошевского, Н. А. Виташевского, В. Ф. Трошанского и других, собравших большой материал о жизни и быте якутов в царское время.

Весьма странно выглядит оценка Г. П. Башариным различных теорий прежних авторов относительно общественного строя якутов XVII—XIX вв., причем он в отношении своих предшественников слово «теория» берет в кавычках. Теория о родовом строе у якутов (Вруцевича, Серошевского) и теория о феодальном строе (Левентала, Ксенофонтова), по мнению Г. П. Башарина, противоположны лишь на первый взгляд, а по существу едины: «Сходство обеих «теорий» состояло в том, что они обе возникли под влиянием реакционных буржуазных «концепций» общественного развития — позитивизма и «теории насилия» (стр. 112). И будто бы обеими теориями воспользовались в политической борьбе между собой якутские тойоны (в большинстве своем неграмотные) конца XIX — начала XX в. и царские чиновники (стр. 113). Эти положения представляются надуманными. Хотя старые исследователи из числа ссыльных революционеров в большинстве своем не были марксистами, но они накопили ценные наблюдения над жизнью, изучили архивы, создали обоснованные выводы. Они были добросовестными тружениками, внесшими вклад в науку. Следует еще заметить, что труды Виташевского и Левентала полностью изданы лишь в 1929 г., а работа Г. В. Ксенофонтова¹⁴ опубликована в 1937 г. Неведомо, как могли пользоваться ими как оружием в политической борьбе якутские тойоны и царские чиновники.

Думается, что развитие раннеклассовых форм эксплуатации и общественных отношений у якутов во второй половине XVIII — первой половине XIX в. требует еще специального изучения, с учетом их национальных особенностей, с использованием не только письменных, но и этнографических и фольклорных источников.

Несмотря на спорность основных положений автора и ошибочность, по моему мнению, истолкования ряда важных исторических фактов, работа Г. П. Башарина представляет значительный научный интерес для дальнейшей разработки истории социально-экономического развития народов Якутии в XVIII—XIX веках.

Г. Эргис

¹¹ Л. Г. Левенталь, Подати, повинности и земля у якутов.

¹² Л. Мамет, Колониальная политика царизма в Якутии в XVII—XIX вв., Сб. «100 лет якутской ссылки», М., 1934.

¹³ О. В. Ионова, Из истории якутского народа (первая половина XVII века), Якутск, 1945.

¹⁴ Г. В. Ксенофонов, Ураангхай сахалар, «Очерки по древней истории якутов», т. I, Иркутск, 1937.